

Шипулина Н. Б.

доцент, кандидат философских наук, кафедра философии и культурологии
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: nbship@mail.ru

САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ДИЗАЙН ГОРОДСКИХ ДВОРОВ ВОЛГОГРАДА В АСПЕКТЕ АНТРОПОЛОГИИ ВЕЩИ

**Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного
проекта № 16-13-34029**

*Не ищите красоты фасадов,
На фасадах только имена...*

<....>

*Во дворах ютятся времена.
В. Плющиков*

Изучение самодеятельного дизайна городских дворов как феномена повседневной жизни Волгограда является частью комплексного научного исследования «Антропология вещи в культуре Волгограда: среда, объекты, практики», выполняемого на базе Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Актуальность этого предметного поля связана с такой важной позицией, обнаружившейся в ходе исследования по проекту, как непреднамеренное игнорирование представителями социально-антропологических наук при изучении городской культуры такой ее «изнанки», как обустроенное жильцами пространство дворов и само народное творчество по организации такого пространства.

В современных социально-антропологических науках сложилась и существует тенденция к исследованию таких сфер жизни людей, которые сложно артикулируются на уровне крупномасштабной политической и экономической истории, философии и теории культуры, аксиологии, осмысливающих образ жизни, привычки мышления и стереотипы социального поведения больших групп людей (народов, наций) на протяжении больших отрезков истории – это стремление к изучению микромасштабного мира повседневной жизни людей в локальных малых сообществах. Актуальные направления таких исследований в настоящее время – культурологическая урбанистика и культурная антропология города, изучающие микромиры городской повседневности.

Повседневная жизнь горожан - это «те впадины и складки этой жизни, в которых мудрено увидеть ценность. Места, состояния, ситуации, человеческие типы, которые, кажется, не за что любить, о которых как будто и сказать-то нечего (кроме разве горьких вздохов да раздраженного ворчания) – и они так и существуют без любви и слова, в сумеречной зоне,

вслепую» [2]. Очень верно и точно отмечает в повседневной жизни некую тотальную настоящесть бытия Ольга Балла-Гертман: «Повседневность парадоксальна, насыщена глубинными токами, которые, казалось бы, в любой момент готовы её в клочки разнести <...>, в ней ухитряется помещаться абсолютно всё. Это – картина без рамы. Любой тип опыта, претендующий быть особенным, непременно заключён в какую-то раму – выключен из повседневности, обставлен особыми условиями и условностями: литература, театр, наука, философия... Они как раз существуют за счёт того, что в них многого – принимаемого в данной ситуации за лишнее – нет, оно из них выключено. А вот повседневность не исключает из себя ни-че-го. В неё всё помещается: и смерть, и небо, и мытьё посуды, и неистовая любовь, и ковыряние в носу, и рождение, и сон до полудня - и всё это живое и сильное – и просвечивает друг в друге – именно потому, что оно *вместе*. Может быть, поэтому так называемая повседневность - самый сложный – и самый перспективный – объект рефлексии вообще и изучения в частности» [3]. Это верно как в отношении исследования обыденной частной жизни всякого отдельного человека, так и для изучения повседневной жизни локальных городских сообществ.

В исследовании материального микромира городской повседневности главными единицами измерения являются человек и вещь. Поэтому корректно назвать в качестве предметной области и принципиального методологического подхода в исследовании вещественных сред и практики обыденной жизни горожан антропологию вещи (или реалологию). Статусы вещи в культуре многообразны. Вещи не только удовлетворяют самые разные потребности людей, но также фиксируют значимую информацию об их создателях, обеспечивая передачу опыта и трансляцию ценностных смыслов, и, таким образом, способствуют социализации каждого нового поколения. Многообразие вещей в современной культуре может быть объяснено и упорядочено только в связи с человеком - творцом и пользователем. В свою очередь, изучение отношения к вещам углубляет онтологические представления о человеке, способствует постижению целостности его проявлений в бытии. Постановка проблемы изучения вещи как феномена повседневной частной жизни горожан в структуре городской культуры придает его исследованию философский статус, целостность и глубину.

В повседневном бытовании вещи в современных городах можно усматривать сложные культурные «диагнозы» и прогностику. Так например Л.В. Щеглова, исследующая культурный микромир «Птички (Железки)», блошиного рынка в Волгограде, отмечает «мощную протовиртуальность объектов барахолок, их стремление выжить и найти свое место в новом контексте. Символическую ценность таким объектам придает не просто их историчность и вуайеричность, где вектор времени повернут в прошлое. Здесь формируется другая, возможностная, форма

общения человека и предмета (где вектор повернут в будущее), в котором предмет имеет силу не только информировать, но и трансформировать субъектов взаимодействия» [15, с. 34].

Татьяна Быстрова, исследующая вещь как предмет дизайна, полагает, что «сложность исследования вещи <...> заключается в том, что она выступает материализованным «сгустком» очень многих идеальных и предметных тенденций и процессов: вещь - это часть культуры и элемент будущего окружения потребителя; результат проективной деятельности конкретного дизайнера и элемент той или иной социально-экономической системы. Она удовлетворяет различные потребности человека, от витальных до экзистенциальных» [6, с. 4]. Ольга Балла, размышляя о связи вещи с человеком и культурой, отмечает: «Встраивается ли вещь, избавленная от своей бытовой функции, в иные, отвлечённые порядки, <...> любитесь ли она в этих порядках своей неожиданной самоценностью, - или выбрасывается, всякой ценности лишаясь и заставляя человека ломать голову над тем, как бы от неё поскорее и понадежнее избавиться, – в каждом из этих случаев она начинает претендовать на то, чтобы всерьёз менять человека, неосторожно вызвавшего её к жизни. Она становится человеку и всему, что он успел обжить и одомашнить – вызовом. Вещь вообще – штука оптическая. Пока она живёт в отведённых ей культурой и природой рамках, она прилежно занимается оформлением и подтверждением привычных человеку контекстов. Да, она настраивает нам зрение, фокусирует его на определённых областях существования - в том числе <...> и таких, которые к этой конкретной вещи не имеют ни малейшего отношения, но которые мы с нею связываем» [1].

Вещь и вещественное могут быть значимыми элементами осознания различных уровней и типов идентичности, в частности идентичности, связанной с местом проживания, территорией, городом. В настоящее время вещь становится предметом дизайна городской среды, оказываясь связанной с другими многообразными вещественными средами и практиками городской повседневной жизни. И если «парадная», «фасадная» сторона городского пространства и места вещи в нем достаточно полно изучена градостроителями, архитекторами, дизайнерами, урбанистами, культурологами и продолжает активно исследоваться в этих областях науки, то городская «изнанка», такая, как дворы, дворовое пространство и дворовая культура, до настоящего времени все еще не стала устойчивым предметом изучения в социально-гуманитарном знании, поэтому актуальным является введение в научный оборот этого феномена.

Каков же статус двора как феномена повседневной культуры городов? Андрей Гусаров, исследующий дворы как феномен культуры на примере Санкт-Петербурга, убежден, что «история дворов – участков земли, огороженных и непосредственно примыкающих к тому или иному

зданию, началась задолго до появления на карте» современных городов. При этом важно, что «время мало что изменило в форме и в назначении участка рядом с жилым домом – как и тысячелетия назад, современная дворовая территория либо расположена внутри многоэтажного здания или ряда зданий (комплекса), либо примыкает к частному дому со стороны противоположной улицы. И в первом, и во втором случае речь идет о непарадной стороне жизни обитателей дома, ведь не зря же во дворах <...> ставят мусорные баки, а владельцы частных домов отдыхают во дворе за домом вдали от посторонних взглядов» [7, с. 12].

Существенно, что без такой изнаночной стороны жизни горожан, как дворовая, города не были бы той формой сосуществования и взаимодействия людей, которой являются. Дворовая культура – это и специфическая социальность, формы общения и группового поведения (игры в домино и шашки; дворовые состязания в волейболе, футболе, хоккее; дворовые сплетни как неустрашимый и незаменимый источник информации о соседях и происходящем); это и особое, сокровенное от глаз, одомашненное жизненное пространство. «Дворы, - полагает А. Гусаров, - особенно дворы рядовой застройки города, в наибольшей степени отражают душу города, его *Genius loci* живет там, как духи реки или леса» [7, с. 23]. Американский урбанист Кевин Линч определял образ города как единое целое, состоящее из путей (маршруты жизни человека), границ (все объекты этого маршрута), районов (участки, с единым началом), узлов (городские центры) и ориентиров (ключевые точки). В этой модели двор как часть образа города, входит в число таких элементов, как путь и граница – на самом низком, бытовом уровне. Но в более крупном плане, двор, как центр или ориентир, тоже проявляется и становится уже неотъемлемой частью общего городского ландшафта, без которого невозможно понять суть города, увидеть его неповторимый образ, «прочитать» его как текст [13, с. 107].

Этот дворовый текст, вписанный в общий контекст городской материально-вещественной среды, в последние годы существенно изменился. Появились новые объекты и феномены, требующие специального изучения. Один из пока еще недостаточно исследованных урбанистами, культурологами, фольклористами статус вещи как феномена городской повседневности – это ее бытование и использование в дизайнерском народном творчестве при обустройстве и украшении городских дворовых пространств самодельными и фабричными арт-объектами, рукотворными скульптурами, композициями, прихотливыми инсталляциями, конструкциями. «Городское народное искусство», «стихийный дворовый псевдо-дизайн», «партизанские формы городского искусства» [9] - вот наиболее часто употребляющиеся варианты концептуализации урбанистического искусства самодельного украшения дворов в тезаурусе исследователей городской повседневной

культуры и вещественно-антропологической среды городского пространства. Причем такие исследования проводятся за пределами собственно теоретического осмысления и чаще всего обсуждаются на форумах, чатах, конференциях в Интернет в публицистическом жанре. В своих постах о дворовой эстетике блогеры называют эту форму творчества «ЖЭК-арт» и «бабка-дизайн» [9], профессиональные художники и дизайнеры, определяя место стихийного дворового творчества в системе искусств, называют его экоарт, паблик-арт или народное искусство. К народному искусству дворовый дизайн относят исходя из таких его свойств, как анонимность, повторяемость, основанность на специфических чертах народного мифологического игрового сознания и особая форма предъявления публике. «Народное искусство плохо экспонируется, потому что иначе устроено. Это игра, и играя, носитель фольклорного сознания переживает историю, а не добивается результата» [9].

Блогер Наталья Конрадова, пытливо изучающая эти новые формы городского дворового народного искусства, которые она называет «рукодельные космосы», пишет: «Как связаны друг с другом русалка в парче, пластмассовые аисты, картонные вороны, лиса из строительной пены, выпиленная лобзиком сова, несколько сваренных из арматуры подставок под цветочные горшки в форме цапель, сплетенная из ниток паутина, ряд искусственных пеньков, покрашенных под березу, и фабричные мягкие игрушки? Они выглядят как свалка при доме культуры — их не связывает ни сюжет, ни композиция. Тем не менее, эти лебеди и русалки — самое настоящее народное искусство, будущий предмет диссертаций этнографов и фольклористов» [9]. Ее информант на вопрос о причинах и мотивах ее дворового творчества ответила: «Захотелось навести порядок, избавиться от окурков и шприцев, которые валялись под окнами». И это не вполне правда, как считает Н. Конрадова: «Эта логика кажется мне странной: чтобы под окнами не было окурков и шприцев, надо просто их убрать, и мягкие игрушки и сказочный колодец тут ни при чем. Значит, речь идет все-таки не о простой уборке, а о замене прежнего порядка новым. Точнее о сотворении мира. Этот мир не так хорошо структурирован, как настоящий фольклорный, <...> но главное, что хаос окурков и шприцев в итоге уступает место космосу мисок-мухоморов и джинсовых змей» [9]. Иными словами в основе такой на первый взгляд примитивной практики, как народное обустройство и украшение городских дворов, лежит сущностная культуротворческая, космоцентрическая или даже теургическая специфика всякой человеческой деятельности. Как отмечал Н.А. Бердяев, «теургия не культуру творит, а новое бытие, теургия — сверхкультурна. Теургия — искусство, творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее. Теургия преодолевает трагедию творчества, направляет творческую энергию на жизнь новую» [4, с. 57].

Дворовое народное творчество появилось и распространилось в последние годы и в Волгограде. Эмпирические наблюдения и фотоэкспедиции по городу позволили накопить достаточный материал для типологизации форм дворовых самодельных произведений и «дизайнерских проектов».

1) Изделия из старых автомобильных покрышек. Это наиболее традиционные, давно отработанные по материалу и способам использования формы городских самоделок (Рис.1, 2). Чаще всего – это клумбы для цветов и вырезанные из покрышек птицы (лебеди, фламинго), реже драконы с использованием большого числа покрышек, вкопанных последовательно в землю, образуя длинное тело фантастического существа. Покрышки – очень доступный, и постоянно возобновляемый (из-за износа) материал для дворовых «скульптур», дворовые умельцы лишь изобретают новые дизайнерские решения и способы декора своих изделий. «Как ни смешно, это искусство с экологическим уклоном. Потому что препарация шин — это экоарт, конечно», — говорит Дмитрий Пиликин, художник, критик и куратор. Он считает, что для появления такого типа искусства важнее всего наличие самого материала. Если ты живешь на свалке, то рано или поздно начнешь ваять из мусора [9].

Рис. 1

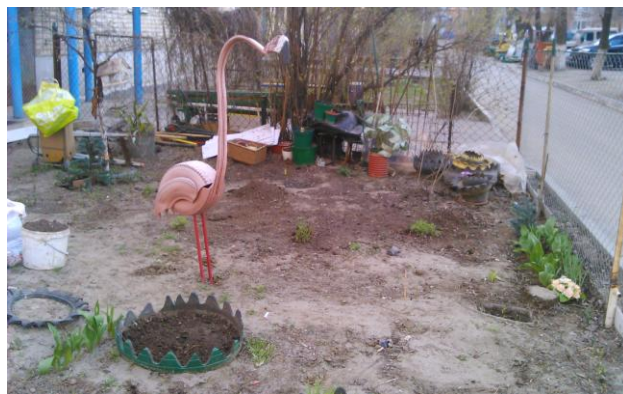

Рис. 2

2) Композиции с использованием старой сантехники, в частности унитазных бачков (Рис. 3), которые, будучи врытыми в землю, становятся импровизированными клумбами или мини-прудами, емкостями для полива цветов и других дворовых насаждений.

Рис. 3

3) Традиционные неуникальные, тиражируемые в самых разных дворах «мухоморы», выполненные из старых тазов, выкрашенных в цвет гриба и прибитых выпуклой частью вверх на пни.

4) Изделия, выполненные из нового типа городского мусора – пластиковых бутылок (Рис. 4), монтажной пены и др., легко поддающихся обработке, в том числе и мелкой (эффект бахромы, пушистой зелени растений), обладающих такими свойствами, как легкость, тонкая текстура, яркий цвет, прозрачность, позволяющие дворовым творцам достигать нужных художественно-визуальных эффектов. Чаще всего это искусственные растительные объекты – пальмы, ели и др.

Рис. 4

5) Еще один новый, даже уникальный, тип арт-объектов дворового дизайна – это выставленные, привязанные к деревьям, усаженные на пеньки, развешанные на деревьях или иным образом расположенные в дворовом пространстве игрушки, принесенные заботливыми руками дворника или эстетически настроенного жильца со свалки. Это новая

практика, связанная с несколькими культурными, социально-психологическими и техническими основаниями и причинами.

Техническая причина проста – работа с автомобильными покрышками требует физической силы, игрушку же можно просто прикрепить к выбранной поверхности (дереву, заборчику) или просто усадить на пенек или выступ дома.

Рис. 5

Рис. 6

Игрушки в настоящее время – это один из новых видов городского мусора. Значимым социально-экономическим и культурным основанием этого является то, что индустрия детства сейчас достигла такого предела, когда устаревание игрушек синхронизировано не с жизненными циклами людей (взрослеющих и расстающихся с игрушками, оставляя их «в наследство» младшим братьям и сестрам, своим детям), а с циклами экономическими, основанными на моде, на сюжетах и персонажах массового кинематографа и мультипликации, которые стремительно сменяются все новыми и новыми, что приводит к потоку совершенно новых, почти без следов использования в играх детей, игрушек – плюшевых животных, больших кукол, отправляющихся на свалку.

К социально-культурным и экономическим причинам распространения использования в дворовом декоративном творчестве игрушек стоит отнести изменение ситуации с городским жильем. Очевидно, что повысившаяся в последние годы динамика смены жилья волгоградцами также влияет на массовый вброс в дворовые инсталляции игрушек прошлых поколений. Переезжая в другую квартиру, часто именно старые игрушки оказываются тем ненужным на новом месте хламом, от которого избавляются. Въезжая в купленную на вторичном рынке жилья квартиру новоселы выбрасывают оставшиеся от прежних жильцов вещи, в том числе и игрушки. Таким образом на свалках пополняется запас материалов для дизайнерских проектов дворовых творцов.

Речь идет об игрушках старых не по критерию ветхости, а по культурно-символическому поколенческому признаку. Соответственно

людям тех поколений, на которые пришелся массовый выпуск именно таких типов и форм игрушек, очень жалко смотреть на них как на часть мусора, и они, испытывая ностальгические чувства по поводу своего ушедшего детства, ушедшей той эпохе, изымают игрушки из мусорных баков и переносят в новую сферу их бытования – в украшение двора. Информант Ирина (45 лет), волгоградская дворничиха (район Тулака, двор дома № 5 по улице Авиаторская), на вопрос «А зачем Вы принесли игрушки и рассадили их в приподъездной клумбе?» отвечает: «Ну как же, жалко же. Вот и принесла со свалки, из бака вынула. Мы в такие играли в детстве. У меня вот точно такой же медведь был».

Спрашиваю у Ирины: «А вот я смотрю, тут на дереве уже давно игрушечная обезьяна висит, но сегодня как-то по-другому выглядит, пушистее стала. Вы ее постирали что ли?». Ирина отвечает: «Нет, это другая обезьяна, прежнюю украли, и я новую похожую повесила» (Рис. 5). Этот эпизод свидетельствует о том, что старые игрушки как предмет стихийного дворового дизайна привлекательны для неимущих людей, которые из дворового пространства возвращают их в пространство домашнее.

Примечательно, что дворовые дизайнеры создают определенную мифологию вокруг своих игрушечных питомцев. Информант Ирина сидит напротив подъезда, рядом с которым клумба украшена ее инсталляциями из игрушек, в частности, вышеупомянутая обезьяна. Мимо проходит старушка и спрашивает: «Зачем это Вы тут повешали на деревья игрушки?», на что Ирина в шутку отвечает: «А это, бабушка, чтобы собак отпугивать». Старушка не понимает шутки и продолжает диалог: «И что правда пугаются?». Ирина смеется в ответ.

Другой информант Борис Александрович (79 лет) в своем дворе (дома № 18 по улице Чапаева в Центральном районе Волгограда) устроил, как он говорит, «ресторан для птичек» - развешанные на кустах и деревьях игрушки (Рис. 7, 8) разных поколений (и плюшевые медведи и собаки 1970-80-х годов, и куклы Барби, и лошадки Литл-пони) в его ЖЭК-арте сочетаются с кормушками для птиц самых разных конструкций (из пластиковых бутылок, пластмассовых и картонных коробок). Он по собственной инициативе высаживает и поливает кусты и деревья под своими окнами (живет на первом этаже), кормит птиц и время от времени обновляет или ремонтирует свое творение. С горечью и дрожью в голосе рассказывает истории об агрессивных соседях, разрушающих его «ресторан для птичек», выбрасывающих на свалку игрушки и кормушки и даже однажды вызвавших наряд полиции.

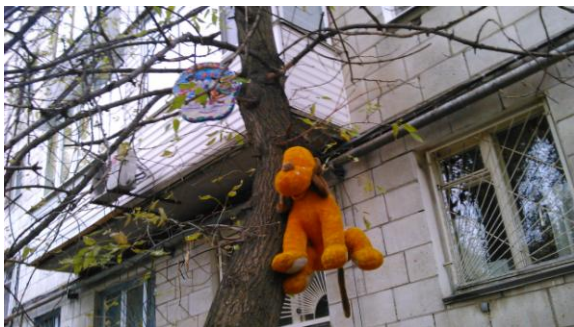

Рис. 7

Рис. 8

В ходе исследования был выявлен важный факт: феномен дворового стихийного народного дизайна тесно связан с другими городскими повседневными практиками. Это в первую очередь собственно рукотворное изготовление объектов для самых разных целей и сред функционирования, описываемое пока еще не устоявшимся понятием «крафт». Городская культура профессионального хэнд-мейд творчества [8] породила «новый культурный феномен – крафт, требующий отдельного теоретического осмысления в рамках культурологического и социально-антропологического знания, реалогии как самостоятельного раздела современной гуманитаристики, исследующей вещи и вещественные практики в культурно-антропологическом аспекте. Узкая сфера компьютерных игр, где понятие «крафт» зародилось и бытовало некоторое время, исчерпана, понятие и сам феномен вышли за ее пределы. Его фактическое употребление уже имеет свою историю и даже появились самостоятельные вторичные словообразовательные формы в современном культурном тезаурусе – «скрафтить» (изобрести, найти адекватные замыслу материалы, выработать технологию изготовления, собственно изготовить объект – костюм, атрибут и др.), «крафтеры и крафтерши» (новые творцы – гении-изобретатели, инженеры, дизайнеры, мастера-изготовители, менеджеры) и т.д. Часто происхождение термина связывают с безликим английским «крафтинг» - производство. С немецкого же «крафт» переводится как сила, усилие, мощь, энергия, живая сила. Полагаю, что именно в этой интерпретации оно обрело смысл аутентичности, вещественной крепости, силы «настоящести» произведенного вручную объекта – костюма, атрибута, орудия или оружия и т.п., определенным уникальным образом связывая а) человека как субъекта всякого творчества, б) его замысел, идеи и творческие потенции, в) собственно процесс создания, усилие, вложенное в дело как специализированное ремесло, г) конечный продукт, д) социально-антропологическую и символическую среду представления и бытования этого объекта <...> е) <...> сообщество/содружество, то есть людей, разделяющих общие цели и ценности, объединенных общими практиками» [14, с. 22-23]. Возникновение и распространение такого явления, как крафт, в современных городах – это один из симптомов усталости от

цивилизации. И если дауншифтинг связан с переездом горожан в деревню и переходом от урбанизированного к сельскому образу и способу жизни, то крафт – это компромиссный вариант, позволяющий, не уезжая из города, реализовать стремление к архаизированным формам домашнего самодельного ручного производства вещей.

Еще одна повседневная практика, связанная с дворовым дизайном – это оформление внутреннего пространства подъездов жилых домов, создание специфического одомашненного интерьера, выходящего за границы собственной личной квартиры, например, установление комнатных цветов в горшках на лестничных пролетах (Рис. 9). Здесь, полагаю, проявляется такая социальная характеристика волгоградцев, как приверженность сельскому образу жизни, так как многие современные горожане – это переехавшие из деревень люди, то есть горожане только в первом/втором поколении. Соответственно все прилегающие к дому пространства ими воспринимаются как продолжение своего жилья, и поэтому эти бывшие сельчане одомашнивают и подъезд, и двор. Таким образом, они с одной стороны как бы присваивают себе эти пространства, с другой – разделяют это свое пространство с другими жильцами многоквартирного дома, представляющими собой своеобразную общину, сообщество со своими внутренними правилами, способами заботы о своем доме и дворе. Об этом же феномене свидетельствуют организованные рядом с жилым домом овощные грядки, посаженные у подъездов фруктовые деревья, построенные и используемые погреба (Рис. 10).

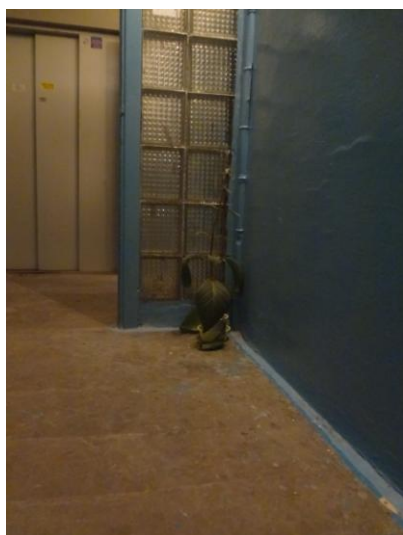

Рис. 9

Рис. 10

Значимым объектом городского пространства, как нам видится, являются не только птицы, о которых речь шла выше, но и другие животные, например, кошки. Они выступают важным объектом заботы жильцов многоквартирных домов, им устраивают специальные места для кормления, устанавливают посуду для еды и питья. Сами животные

становятся украшением дворового пространства и эстетически привлекательной «вещью в городском интерьере» (Рис. 11 – кошка двора дома № 14 по улице Туркменская в Волгограде; Рис. 12 – кот во дворе дома на пересечении Рабоче-Крестьянской улицы и улицы Ким Ворошиловского района Волгограда).

Рис. 11

Рис. 12

Дворы в Волгограде, как и во многих провинциальных городах России, в последнее время представляют интерес как специфические пространства соприкосновения (если не столкновения) двух уровней организации городской повседневной жизни, ориентированных на благоустройство, улучшение качества жизни современных волгоградцев – 1) официального, курируемого городским управлением, комитетами и ведомствами, отвечающими за благоустройство, и осуществляемого жилищно-коммунальными службами; и 2) неофициального, неформального, идущего от частных инициатив горожан, и осуществляемого в их собственных непрофессиональных стихийных практиках – дизайнерских, творческих, ремесленных. На первом уровне принимаются решения, разрабатываются проекты, получающие серьезную финансовую поддержку. На уровне частных инициатив горожан высказывается критика, выражаются сомнения насчет целевого использования выделенного финансирования, порой оказывается сопротивление властным решениям. Так например в июле 2016 года в Волгограде запущен проект «Наш двор – наш дом» - комплексная программа благоустройства внутридворовых территорий Волгограда, рассчитанная на 5 лет и реализуемая при поддержке первого заместителя руководителя администрации Президента Вячеслава Володина. На проект выделено 300 миллионов рублей. «В Волгограде вопросы приведения в порядок дворовых территорий — самые сложные, — подчеркнул глава региона Андрей Бочаров. — У нескольких поколений горожан сложилось неверие, что проблеме можно сдвинуть с мертвой точки. Чтобы привести в порядок среднестатистический двор, нужно от 5 до 15 миллионов рублей. Такие средства никакой собственник жилья не найдет. Решить эту задачу власти отдельно без жителей и жителям без власти — невозможно. Решить

ее можно только сообща. Со своей стороны мы возьмем на себя самое затратное и дорогостоящее: внутридворовые проезды, освещение, тротуары, подходы к подъездам» [11]. Участие в проекте конкретных дворов Волгограда имеет конкурсный характер, пока в проект попали 58 дворов, в которых приведут в порядок тротуары и дороги, и 67, в которых установят детские площадки. Но в этой связи возникает много вопросов: как именно будет организовано это «сообща»?; что такое среднестатистический двор?; как именно будет осуществляться общественный контроль? и т.п. Такие проекты безусловно важны, но очень часто мы сталкиваемся с ситуацией, когда такое благоустройство «сверху» ведет не к улучшению городской среды, а к лишению ее живого органичного содержания, ее уникальности. И дело не в консерватизме и традиционализме горожан, воспринимающих инновации как опасность утраты привычного. Речь идет о культурно-органичном энергетическом вырастании той целостности, которой и является город, целостности, вызревающей постепенно, не терпящей резких перемен, порой их просто игнорирующей, а порой активно им сопротивляющейся. Так и с дворовой культурой: унифицированные детские площадки (эстетическая привлекательность, качество и безопасность которых непредсказуемы), установленные в ходе реализации проекта, могут сделать городские дворы похожими друг на друга, а обжитое место станет благоустроенным, но безликим и безжизненным.

Итак можно выделить ряд значимых характеристик, социально-культурных функций и культурно-антропологических особенностей дворового самостоятельного дизайна как феномена современной городской повседневности Волгограда.

Во-первых, потребность горожан к «партизанскому» благоустройству и украшению своих дворов, является следствием социально-экономической и культурной ситуации, при которой современные российские горожане в большинстве своем – это «вчерашние» жители сел и деревень, которые в силу привычки стремятся обустроить и украсить дворовое пространство рядом с жилым многоквартирным домом самостоятельно, вручную, исходя из своих эстетических представлений и вкусов, дизайнерских решений, ремесленных навыков и подручных доступных материалов, не прибегая (и не доверяя) к квалифицированным специалистам в сфере дизайна городской среды и урбанистической эстетики, а также к городским коммунальным службам.

Во-вторых, стихийный народный дизайн дворов – это специфическое проявление такого свойства российского менталитета и образа жизни, которые стало принято называть «обществом ремонта» [5, с. 342]. Это такая установка коллективного сознания и бытового поведения и жизненная стратегия, которые ориентированы на использование вещей в

режиме безотходности, при котором изменяется их функциональная маркированность, и каждая вещь циклически перерастает из одного состояния в другое, а потом в следующее до полного истлевания, исчезновения. И если у советских поколений причиной была нехватка товаров, то в настоящее время – это неосознаваемая привычка бытового сознания и поведения, транслирующаяся в семейном воспитании и все еще не искорененная из повседневной жизни горожан.

В-третьих, феномен дворового народного стихийного дизайна – свидетельство ностальгической специфики российского менталитета в целом и волгоградской идентичности в частности. Вещи, из которых спонтанные дворовые дизайнеры изготавливают свои инсталляции, часто принесены со свалок мусора [12]. Но некоторые категории вещей не просто функционально привлекательны, а нагружены эмоционально, то есть представляют собой вещественные накопители коллективной памяти поколений людей и в этом своем коммеморативном качестве специально сохраняются и поддерживаются (старые игрушки, мебель, посуда, сантехника). Эти выброшенные людьми на свалку вещи, «изгнанные» из своего актуального повседневного мира, дворовые умельцы любовно изымают (спасают) из мортализированной сферы их утилизации и возвращают в пространство живое, давая им новую жизнь и, по сути, отменяют метафизическую возможность смерти вещей.

В-четвертых, использование в дворовом дизайне вещей, вышедших из сферы актуального использования в домашнем обиходе, – показатель сентиментальной чувствительности россиян к малому и жалкому, ничтожному и ветхому как возвышенному [10, с. 45]. Старые вещи используются в оформлении дворового пространства, самодельных клумб как осколки прежней красоты, не находящие себе другого места «обитания».

В-пятых, в феномене самодеятельного дворового дизайна отражается принципиальная стержневая созидательная творческая потребность человека – креаторная или даже теургическая потребность сотворения своего собственного бытия, собственного мира. Это важно для такого культурно-органичного феномена, как город, обладающего своей собственной аурой, энергетикой, судьбой.

Список литературы

1. Балла Ольга. Послесловие к вещи. Как живут предметы за пределами самих себя // «Ex Libris-НГ». Приложение к электронному изданию «Независимая газета». URL: http://exlibris.ng.ru/koncep/2011-12-08/7_thing.html (дата обращения: 26.10.2016).

2. Балла-Гертман Ольга. Опыты краевидения // Сайт «Радио свобода», рубрика «Книжный шкаф». 2.07.2016. URL: <http://www.svoboda.org/a/27769554.html> (дата обращения – 20.08.2016).
3. Балла-Гертман Ольга. Упражнение в бытии. Часть I // Электронный журнал «Литература». № 87. URL: <http://litteratura.org/publicism/309-olga-balla-gertman-uprazhneniya-v-bytii.html> (дата обращения – 17.11.2016).
4. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М., 2010.
5. Бредникова Ольга, Ткач Ольга. Грязная деревня» и «замусоренный город» (обыденные практики обращения с мусором в разных сообществах) // Антропологический форум. № 8. С. 338-352.
6. Быстрова Т. Ю. Феномен вещи в дизайне: философско-культурологический анализ. Автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 - религиоведение, философская антропология, и философия культуры. Екатеринбург, 2003.
7. Гусаров Андрей. Петербургские дворы. Необычные дворы, курдонеры, дворы-колодцы, проходные дворы. М.: Центрполиграф, 2015. 383 с.
8. Елистратова Е. А., Шипулина Н. Б. Значение handmade творчества в культуре Волгограда: сообщества и практики // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016. № 3. С. 76-82.
9. Конрадова Наталья. Во дворе творя // Сайт «Большой город». URL: http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fn2.bg.ru%2Fcity%2Fvo_vdore_tvorja-16450 (дата обращения – 12.09.2016).
10. Лишаев Сергей. Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. СПб.: Алетейя, 2010. - 208 с. (Тела мысли).
11. «Наш двор – наш дом». В Волгограде приведут в порядок дворы многоэтажек // Сайт «Аргументы и факты. VLG.AIF.RU». URL: http://www.vlg.aif.ru/politic/gover/nash_dvor_nash_dom_v_volgograde_privedit_v_poryadok_dvory_mnogoetazhek. (дата обращения – 12.09.2016).
12. Фуртай Франческа. Мусор — от руин до свалки: аксиологические перспективы современной культуры // Международный журнал исследований культуры International Journal of Cultural Research. № 1(2). 2011. URL: www.culturalresearch.ru (дата обращения: 26.10.2016).
13. Шипицин А.И. Городское пространство как текст // Исторический город: традиции и креативность. Коллективная монография / Отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.А. Никонова, Л.В., Никифорова. СПб., ЭЙДОС, 2012. С. 107-118.
14. Шипулина Н.Б. Косплей-фестивали в Волгограде: субъекты, феномены, практики в городской культуре // 21 century: fundamental science and technology VIII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 25-26.01.2016, Vol. 3 — North Charleston, SC, USA: CreateSpace, 2016, p. 16-25.
15. Щеглова Л.В. Блошиный рынок как культурный феномен // «Сервис Plus». 2016. № 1. С. 81-88.